

Чу Лянь знала один факт: когда она училась в начальной школе, Е Лицин никогда не принимала так называемых клиентов, а всех соседей, что пытались к ней пробиться, старый хрыч неизменно разворачивал. Даже если у Е Лицин и были клиенты, желавшие пережить нечто сверхъестественное, об этом никто не знал — по крайней мере, Чу Лянь.

Но сейчас Гу Чэн сказала, что скоро придет клиент. Чу Лянь не понимала, какие услуги Е Лицин может им предложить: воскрешение мертвых, остановку времени или, быть может, погружение в ужас и гнетущую атмосферу того красного уродливого небесного тела? А может, она просто выступала в роли психолога, способного выслушать? Чу Лянь даже гадала, не нуждается ли сейчас Е Лицин в деньгах.

— Можно мне остаться? — спросила Чу Лянь у Е Лицин. — У тебя скоро гость.

— Конечно, оставайся сколько хочешь, — ответила Е Лицин.

Гу Чэн добавила:

— Сама сходи на кухню, налей воды, чувствуй себя как дома. Большая Лицин очень гостеприимна.

Чу Лянь пошла на кухню искать чашку. На столе лежало что-то вроде чайных пакетиков, но все надписи были на пестром русском языке. Шел 2012 год, и большинство смартфонов еще не умели переводить текст по фото. Чу Лянь не решилась заваривать их, боясь отравиться. Она оглянулась на гостиную — никто не смотрел в ее сторону — и осторожно приоткрыла дверцу шкафчика: кажется, специи, сухое молоко и прочее тоже были с русскими этикетками.

Все это время Е Лицин что-то готовила в своей спальне, а Гу Чэн сидела в кресле в гостиной, уткнувшись в телефон.

Чу Лянь хотелось поговорить с Е Лицин. В ее присутствии она всегда испытывала непреодолимое желание выговориться, рассказать, как вчера вечером Линь Юйлин выставила ее из квартиры напротив. Но здесь была Гу Чэн, и Чу Лянь решила, что лучше промолчать.

Она держала чашку и предавалась размышлениям. Когда-то давно, когда Е Лицин гуляла с ней вдоль реки Царицын, она слышала звуки аккордеона. Е Лицин тогда сказала, что играет ее подруга. Неужели это была Гу Чэн? Чу Лянь украдкой разглядывала пальцы Гу Чэн: если бы у той были длинные ногти с вычурным маникюром, она вряд ли смогла бы играть на аккордеоне.

Затем она встала со стула. В этот момент Чу Лянь почувствовала, что Е Лицин изменилась: ее выражение лица стало ледяным, а от самой фигуры повеяло таким холодом, что назвать это просто убийственной аурой было бы неточно. В этот миг казалось, будто гостиная, весь дом и целый мир содрогнулись, словно искаженное марево над раскаленной сковородой.

— Да, прошло уже больше восьми лет.

— Не нужно, — сказала Е Лицин.

Е Лицин уже вышла за дверь. Старый хрыч помедлил, а затем поспешно переступил порог, оставив Чу Лянь и Гу Чэн в гостиной смотреть друг на друга во все глаза.

Е Лицин и старый хрыч шли впереди, голос старика доносился сквозь туман.

Гу Чэн стояла в стороне и зевнула.

Старый хрыч тоже почувствовал этот поток воздуха, отступил на шаг и с сомнением огляделся, полный тревоги и недоумения.

Старый хрыч слабым голосом произнес:

— Он был на скоростной трассе в родном городе...

— Я не знаю, с чего лучше начать, — он улыбнулся и оглядел обшарпанную гостиную Е Лицин.

— Я купил желтую бумагу и благовония, не знаю...

— Можно мне пойти с вами? — спросила Чу Лянь у Гу Чэн.

— Ты хочешь увидеть отца, верно? Пойдем, мы отправимся прямо туда, где это случилось, — сказала Е Лицин.

Но руки Гу Чэн были такими же простыми и неприметными, как и ее одежда — никаких стразов или блесков. Чу Лянь было трудно судить наверняка.

Чу Лянь не поняла, что имела в виду Гу Чэн, но уже вышла через открытую дверь гостиной. Снаружи был не тусклый коридор старого дома, а широкая скоростная трасса. Хотя старый хрыч пришел до одиннадцати утра, небо было абсолютно черным, как тушь, и повсюду клубился густой туман. Мощные фонари на шоссе горели, но из-за мглы видимость была низкой.

— Что?

Гу Чэн пожала плечами:

— Как хочешь. Большая Лицин очень хорошо к тебе относится, даже если попросишь ее приготовить тебе еду, она вряд ли откажет.

До одиннадцати часов клиент Е Лицин, которого Гу Чэн называла старым хрычом, наконец явился. Чу Лянь невольно усмехнулась: она знала этого человека.

— Здравствуйте, здравствуйте! Простите, что сегодня беспокою вас, — он пожал руку Е Лицин, расплываясь в улыбке.

— Прошло восемь лет с тех пор, как Е Лицин в прошлый раз отвела тебя в то место?

Этот человек был бывшим председателем студсовета факультета менеджмента по прозвищу Би Шуай. Его стиль руководства был настолько противным, что студенты прозвали его Королем Выпендрежа или Старым Хрычом. Однажды во время проверки мужского общежития его чуть не побили, и поговаривали, что он сбежал через балкон, чтобы позвать на помощь куратора. В прошлом году старый хрыч выпустился, и ходили слухи, что он нашел работу с зарплатой в триста тысяч в год. Чу Лянь сомневалась в этом: кто наймет бакалавра менеджмента на такие деньги?

В этот раз старый хрыч выглядел иначе. В одной руке портфель, в другой — красный пластиковый пакет, на нем костюм, а волосы залиты тонной геля так, что «муха, сев, разъедется в шпагате». Он взглянул на Чу Лянь, но, похоже, не узнал ее. Успешные люди часто не узнают своих университетских младшекурсниц.

Она снова задумалась и спросила Чу Лянь:

— Восемь лет, верно?

Гу Чэн погрузилась в раздумья:

— Срок немалый. Спорим, этот старый хрыч и восьми дней не продержится, не то что восьми лет.

— Мой отец попал в аварию в пути. Он ехал на переговоры, комиссионные с сделки должны были составить десять процентов, это около двух с лишним миллионов! На обратном пути машина, видимо, ехала слишком быстро, врезалась в ограждение, ее развернуло, и она столкнулась с бетономешалкой на средней полосе. Дорожная полиция позвонила маме, мама — брату, а брат мне.

Чу Лянь подозревала, что Е Лицин вообще не слушала, что там лопочет старый хрыч.

Впрочем, вскоре Чу Лянь убедилась, что старый хрыч не лгал (кроме истории о двухмиллионных комиссионных): посреди дороги стоял разбитый в хлам внедорожник BMW, а бетономешалка преграждала ему путь, иначе он бы улетел за ограждение. Бетономешалка пострадала не сильно, потому что внедорожник буквально заехал под нее, застряв на уровне передней стойки; капот был смят, лобовое стекло вдребезги.

Гу Чэн подошла следом и, скрестив руки на груди, цокнула языком:

— Не должно быть так. Такая хорошая машина, подушки безопасности сработали, не должно было дойти до смертельного исхода.

Тут она заметила неподалеку, посреди дороги, распростертую тень, напоминавшую человеческую фигуру, и внезапно осенилась:

— Он не пристегнулся.

Этот случай стал для Чу Лянь уроком: никогда не используйте заглушки для ремней безопасности. За рулем нужно всегда пристегиваться.

Чу Лянь хотела подойти ближе, но Гу Чэн спросила:

— Тебе нравится смотреть на трупы после аварий?

— Нет, — ответила Чу Лянь.

Гу Чэн хмыкнула, словно обрадовавшись, что Чу Лянь наконец осознала этот факт.

— Тогда стой здесь и не двигайся, иначе будешь потом ночами кошмары видеть.

Старый хрыч подошел к тени, присел на корточки и сначала застыл, словно окаменев, а потом, придя в себя, принялся голосить и звать отца. И только когда Е Лицин напомнила, что времени у них мало, он склонился к тени и спросил:

— Пап, какой пароль от твоей банковской карты и корпоративного счета?

Чу Лянь не услышала, что ответил отец старого хрыча, но тот поднялся на ноги с радостным выражением лица. Он спросил Е Лицин:

— Мой отец... можно оставить его здесь? Ничего не случится?

Е Лицин ответила:

— Ты все равно ничего не сможешь сделать.

Старый хрыч пробормотал: — Я же его сын, — но, видимо, аура Е Лицин была слишком пугающей, и он замолчал.

В этот момент Чу Лянь инстинктивно почувствовала, что к ней приближается что-то дурное, зловещее. Она невольно подняла голову и сквозь густой холодный туман увидела в ночном небе то самое красное уродливое небесное тело.

Детские воспоминания нахлынули на нее: все, что было связано с Линь Мэйли, все, что касалось глубоких ночей. Красная планета была покрыта гигантскими водоворотами, напоминавшими вращающиеся лезвия мясорубки.

Однако двадцатилетняя Чу Лянь отличалась от двенадцатилетней, у нее уже была достаточная сила воли. Прежде чем красная планета заметила ее и устремилась навстречу, Чу Лянь отвела взгляд.

Вскоре они снова оказались в гостиной Е Лицин. Горячая вода в чашке Чу Лянь все еще дымилась. Она взглянула на телефон: ровно одиннадцать часов. С тех пор как старый хрыч переступил порог, прошло около десяти минут — едва хватило на приветствия.

Старый хрыч сидел на стуле у двери, весь промокший от пота, словно его вытащили из воды. Пот блестел в свете ламп, смешиваясь с гелем для волос. Прошло много времени, прежде чем он пришел в себя.

— Он сказал мне, все рассказал: пароли, лицензию, печати... Нужно записать, — пробормотал он, доставая телефон и начиная лихорадочно печатать. Е Лицин по-прежнему спокойно сидела в стороне, время от времени поглядывая на Чу Лянь, словно беспокоясь за нее.

Наконец пот на лбу старого хрыча высох. Он поднял голову и выдавил из себя улыбку.

— Спасибо вам, сегодня я вас очень побеспокоил.

Он встал, собираясь уходить, но Гу Чэн окликнула его:

— Ты забыл свои вещи.

Старый хрыч оглянулся на красный пластиковый пакет с благовониями и ритуальными деньгами на полу. Он вдруг горько усмехнулся:

— Вам не нужны эти вещи?

— Не нужны, — ответила Е Лицин.

Когда старый хрыч ушел, Гу Чэн посмотрела на Е Лицин.

— Как думаешь, на сколько его хватит?

Чу Лянь смотрела на Е Лицин и заметила, что та тоже смотрит на нее. В момент, когда их взгляды встретились, Е Лицин отвела глаза.

— Трудно сказать, думаю, дня на три, — произнесла она.

Гу Чэн задумчиво протянула:

— А мне кажется, он и дня не продержится. Можем поспорить на обед.

— Не продержится — это как? — спросила Чу Лянь.

Гу Чэн бросила на нее взгляд:

— Взрослые разговаривают, не лезь в разговор.

Е Лицин лишь смотрела на нее, ее взгляд был таким же бездонным, как и много лет назад. Восемь лет назад взгляд Е Лицин принадлежал миру за пределами сталелитейного завода, а теперь он казался принадлежащим миру за пределами всех миров, и даже за пределами мира самой Чу Лянь.

— Она уже не ребенок, — сказала Е Лицин.

<http://bllate.org/book/21516/2207291>